

ОДИССЕЯ

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ЭПОС В ПЕРЕСКАЗЕ

Сергея Носова

LIMBUS EPIKA

Limbus Epika

Эпосы, легенды и сказания
**Одиссея. Древнегреческий эпос
в пересказе Сергея Носова**

«Издательство К.Тублина»

2022

УДК 398.224
ББК 84 (2Рос-Рус)6

Эпосы, легенды и сказания

Одиссея. Древнегреческий эпос в пересказе Сергея Носова /
Эпосы, легенды и сказания — «Издательство К.Тублина»,
2022 — (Limbus Epika)

ISBN 978-5-8370-0916-7

Перед вами оригинальное прозаическое переложение поэмы Гомера «Одиссея», выполненное Сергеем Носовым и рассчитанное на восприятие сегодняшним читателем. «Одиссея», много веков служившая источником вдохновения для поэтов, художников и композиторов, не нуждается в представлении, хотя – будем честны – подавляющее большинство современников знакомо с этим литературным памятником исключительно по экранизациям. Сергей Носов, прозаик и драматург, лауреат премии «Национальный бестселлер», на сей раз выступает в роли вольного сказителя – как если бы традиция свободного изложения известного сюжета продолжалась до сих пор, даже спустя тысячелетия после Гомера. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 398.224
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-8370-0916-7

© Эпосы, легенды и сказания, 2022
© Издательство К.Тублина, 2022

Содержание

Вслед за Гомером	6
Часть первая Телемах: поиск	11
Гость Телемаха	11
Совет богов	16
Народное собрание	17
Нестор	21
Женихи замышляют убийство	24
Во дворце Менелая	26
Морской старец Протей, или Как Менелай узнал о судьбе	28
Одиссея	
Второй совет богов на Олимпе	30
Часть вторая Одиссей: возвращение	32
Остров Огигия. Нимфа Калипсо	32
Посейдон наказывает	36
Навсикая. Царь Алкиной	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Гомер
Одиссея
*Древнегреческий эпос в
пересказе Сергея Носова*

© С. Носов, пересказ, 2022

© ООО «Издательство К. Тублина», 2022

© А. Веселов, иллюстрации, оформление, 2022

Вслед за Гомером

Вместо предисловия

Немного о личном.

Одиссей – это что-то из детства. Из раннего – до куновских «Легенд и мифов Древней Греции». Мне было шесть или семь, когда посмотрел итало-американские «Странствия Одиссея», фильм, надо заметить, отнюдь не детский, но рядом с нашим домом был Измайловский сад, и посещения его часто завершались полузаконным кинопросмотром, а всё потому, что бабушке было скучно сидеть на скамейке напротив деревянного Летнего театра и видеть афишу, когда её внука занимали свои забавы на воздухе. За год до школы я посмотрел довольно много взрослых фильмов (включая «детям до 16» – это позже меня на них не пускали, а с бабушкой было можно, ещё можно...). Забытому свойственно припоминаться. Сейчас о себе знаю, что природа иных поздних дежавю, тревоживших странной загадочностью уже меня повзрослевшего, это оттуда – от тех детских кинематографических впечатлений.

Вот так со мной и получилось, что годы спустя книжный Гомер – в переводах Жуковского ли, Вересаева ли – подсвечивался в моём восприятии припоминаниями того почти забытого фильма. «Почти» не значит «совсем» – в чём убедился недавно, пересмотрев. Увиделось, как будто и не забывал: циклоп, сирены, тени мёртвых, истребление женихов... и сам я, шестилетний, притаившийся в темноте зала, – ошарашенный свидетель и пассивный участник событий: тут забывай не забывай, «Одиссея» – это то, что случилось лично со мной (к вопросу об архетипах!...).

Между прочим, недавний просмотр неожиданно разъяснил одно моё дежавю по впечатлениям от другой киноленты. Начало девяностых, я смотрю «Основной инстинкт», впервые вижу на экране Майкла Дугласа, и кажется мне, что я уже где-то видел это лицо, или нет – на него похожее. Вероятно, постоянная озабоченность, написанная на лице героя, с неизбежностью навязывается (таков режиссёрский приём) подсознанию зрителя, провоцируя его на ложные припоминания, – так я тогда попытался объяснить себе эту неясность. А сейчас пересмотрел итало-американский фильм из моего детства и понял, что не было припоминание ложным. Потому что Одиссея, мне тогда явленного на экране садового кинотеатра, играл, оказывается, Кирк Дуглас, отец Майкла Дугласа, – можно спорить, насколько сходство между ними неуловимое, но оно точно есть. Подождите, но ведь эта ситуация прямо-таки по Гомеру. Спартанский царь Менелай у себя на пиру видит молодого гостя, чужестранца, и не может понять, чем ему знакомо лицо этого человека, – и вдруг открытие: так это же Телемах, сын Одиссея! Что ли, пропорция здесь получается – по внешности: смотрите, актёр, игравший детектива в эротической драме, относится к своему отцу, прежде сыгравшему Одиссея (и это в моём восприятии), как сам Телемах относится к своему отцу Одиссею (в восприятии Менелая), а значит, припоминания наши – царя Менелая и, стало быть, моё – одной природы, так или иначе восходящей к образу Одиссея. Примечательно, что мы оба, спартанский царь Менелай и, стало быть, я, разобраться со своими мутными ощущениями самостоятельно не сумели, – Менелая помогла Елена, с первого взгляда узнавшая в чужестранце сына Одиссея, а мне помогли повторный просмотр старого подзабытого фильма плюс обращение к Википедии, рассеявшей последние сомнения относительно родства актёров. Короче говоря, нашими переживаниями мы с Менелаем обязаны одному человеку – Одиссею, и, сколь бы ни было пустяшным моё, оно соотносится с тем, чужим, изъяснённым сказителем за неполных три тысячи лет до меня.

А вот интересно: у многих из моего поколения был свой опыт сказительства, по крайней мере, в детстве опять же, – когда в среде подрастающей малышни, объединённой дворовым общением и режимами пионерлагерей, бытовал так называемый детский фольклор – со всеми

этими чёрными руками, синими ногтями, кладбищенскими старухами и тому подобным. Вспоминаю: пионерский лагерь, младший отряд, отбой, в палате выключен свет, по закону полагается спать, но наступает время страшных историй. Как-то само собой получается, что главным рассказчиком нашей палаты становлюсь я, это мой звёздный час, ни с чем более не сравнимый успех (вижу с высоты прожитых лет) и одновременно негласная и почётная общественная нагрузка. Но как это легко и по кайфу – нанизывать один на другой сюжеты, самозабвенно фантазировать в этой темноте и тишине, чувствуя: тебе внимают! В помощь ночному сказителю из шестого отряда, помимо чёрной руки и большой мясорубки, великан-людоед с одним глазом во лбу, и этот глаз надо непременно выколоть, чтобы спастись из пещеры. А знаете ли вы, для чего иногда нужно залить уши воском? И каково это себя ощущать обросшим щетиной, когда тебя и твоих друзей ни за что ни про что превратила в свиней гостеприимная хозяйка острова, на вид совсем не опасная? – о, какой здесь простор для фантазии!

Смею предполагать, что и те, настоящие сказители древних времён испытывали нечто подобное, соприродное тихому восторгу вдохновенного фантазёра. До того, как песни о падении Трои и возвращении Одиссея обрели законченный вид, закреплённый в письменных текстах, они исполнялись аэдами, сказителями-импровизаторами, зачастую их и слагавшими. Гомер сам из таких (кем бы он ни был и сколько бы ни было их, объединённых этим великим именем). В «Одиссее» два песнопевца присутствуют непосредственно и названы поимённо, это Демодок и Фемий. Отнесёмся к поэме Гомера как к высшей реальности и спросим себя: если бы не они, эти сказители, откуда бы мы узнали о странствиях Одиссея и о том, как он покарал разорителей дома? Слепой Демодок, приглашённый на пир царя Алкиноя, слушает вместе с другими рассказ самого Одиссея, все эти истории про циклопов, сирен и тому подобное. А Фемий, принуждённый в отсутствие Одиссея развлекать женихов Пенелопы, – свидетель их пиров и в конечном итоге их же самих истребления. Между прочим, оба испытали, по-нашему, стресс. Демодок пел о Троянском коне и хитрости Одиссея, – каково это узнать, что слушателем твоим был сам Одиссей? С Фемием ещё лучше: он мог не успеть попрощаться с жизнью. Одиссей пощадил его только благодаря заступничеству Телемаха (другой счастливец – глашатай Медонт); все остальные причастные к пирам женихов стали жертвами бойни, устроенной Одиссеем. Памятью о событии мы, получается, обязаны песнопевцу Фемию, а раз так, то и на всей этой истории с женихами лежит печать его благодарности за пощаду.

Первый же повествователь – это сам Одиссей. Имеется в виду его выступление на пиру Алкиноя, царя феаков, – история о собственных приключениях, ошеломившая участников пира. Согласно Гомеру, она правдивая. Сцилла и Харибда, священные стада Гелиоса, на которые покушаются спутники Одиссея, – почему мы должны не верить рассказчику? Мы скорее поймаем Жуковского на ошибочном переводе: быки Гелиоса (знаменитые быки Гелиоса!) на самом деле коровы (см. комментарий В. Н. Ярхо в «Литературных памятниках»). В иных случаях Одиссей – согласно Гомеру – может красиво приврать, когда он сам выдаёт себя за другого. Как раз ничего фантастического в этих историях нет, но какие-то конспирологические соображения побуждают Одиссея мистифицировать собеседников. Номер не проходит с Афиной, явившейся ему в облике юноши на песчаном берегу Итаки, но в лице своего раба-свинопаса и собственной жены, не узнавшей мужа, он, в облике нищего, находит доверчивых слушателей. Иными словами, Одиссей ещё тот рассказчик. Вдохновенный и склонный к выдумке – причём к художественной.

Можно пойти дальше. В своём «правдивом» рассказе на пиру Алкиноя Одиссей даёт прозвучать иным голосам, – например, он дословно передаёт услышанное в царстве мёртвых (эпосу известна только прямая речь). Пусть это будет для нас точкой отсчёта...

Лично мне тут даже мерещится что-то вроде кольца...

Потусторонний мир (начинаем отсюда). Пределы царства Аида, что посетил Одиссей, сюда отправленный волшебницей Киркой (Цирцеей). Тень слепого провидца Тиресия, вызван-

ная посредством жертвоприношения, вещает о будущем Одиссея; мать Одиссея, умершая от тоски по любимому сыну, рассказывает ему о недавнем прошлом семьи, оставленной им на Итаке; Агамемнон, предводитель греков в Троянской войне, говорит о своей гибели в день возвращения, называя убийц. Одиссей запоминает дословно, и можно представить, как на пиру во дворце Алкиноя он варьирует голос, передавая чужую потустороннюю речь (и чем не страшилка этот репортаж из загробного мира?). Рассказ Одиссея обширен, много разного в нём, но в тексте поэмы история странствий составляет лишь малую часть – вопреки убеждениям тех, кто знаком с Гомером понаслышке или только по фильмам... Слепой сказитель Демодок, удостоенный похвалы и куска мяса из рук Одиссея, переложит услышанное на песни. Их подхватят поколения аэдов, вдохновенных импровизаторов, умеющих сочинять на ходу, – каждый добавляет что-нибудь от себя. А вот и Гомер: песни о падении Трои и возвращении Одиссея обретают законченный вид двух поэм. Наступает время других певцов – рапсодов («сшивателей песен»); их задача не отклоняться в сторону от Гомера. Тексты, кроме того, распространяются в списках. Наступает эпоха книгопечатания. А там, глядишь, и Джойсов «Улисс». Кинематограф. Кирк Дуглас прокричит с палубы корабля победную дерзость ослеплённому великану, и без пяти минут первоклассник, случайно попавший на взрослый фильм, запомнит, как тот ревущий циклоп бросает в море кусок скалы. «Быть царём в царстве мёртвых хуже, чем нищим в царстве живых» – это оттуда же. Тени мёртвых. Отбой. Страшилки после отбоя, когда самому сказителю хочется спрятаться под одеяло. Темнота – тут главное. Темнота – это когда темно. Многие из тех песнопевцев были слепцами. Слепота, по убеждению древних, это связь с потусторонним...

Кольцо?

Просто хочу объяснить, что побудило взяться за пересказ «Одиссеи». Тут есть, кроме прочего, личный мотив.

Да, конечно, пересказы были уже. Справедливо: зачем ещё один пересказ?

А если мне мнится, что можно иначе – в духе тех древних аэдов – не пересказать, а (дурацкий глагол) перепеть?

Те песнопевцы украшали пиры. А если сегодня?

Без приглашения?

Это я для наглядности – чтобы ясен был метод.

Можно представить: шум застолья, смех, разговоры, звяканье ножей и вилок...

Вошёл. На нём не хитон, а что-то вроде хитона. В руках у него что-то вроде кифары.

Сел. Собрался. Ударил по струнам.

Отложив ножи и вилки, все повернулись к нему. Что такое? К чему? Петь будет, похоже.

Вообще-то он по жизни прозаик. Может, залом ошибся. Но это не важно. Он настроен серьёзно, он что-то хочет поведать – по-своему, от себя – без иронии, без постмодернизма; он полагает себя сказителем честным (как те), он будет стараться, – нет, здесь вам не халтура.

Все молчат. Он поёт. Все внимают.

Поёт.

Внимают.

Поёт.

– Это надолго?

– А кто его знает...

Не пора ли нам, братья, пересказать «Одиссею»?

Не растекаясь мыслью по древу. Соблюдая известный порядок. Избегая, если удастся, сумбура. Собственного воображения ничуть не страшась.

Представляя, как было.

Своими словами.

Для начала по примеру Гомера поприветствуем Музу. Но, конечно, по-своему (Муза-то наша):

– Муза, Муза! Будь снисходительна к нам, неумехам, невеждам. Мы тебе доверяем. Веди!

И – вперед!

Вернее, назад – в глубь веков, тысячелетий; время, впрочем, обозначится точно: десять лет после падения Трои.

А что Трои десять лет осаждали, это мы помним, конечно.

Часть первая Телемах: поиск

Гость Телемаха

Остров Итака. Но не царствует здесь уже Одиссей. Одиссей не вернулся с Троянской войны. Годы идут, но нет Одиссея. И нет вестей от него. Никто не знает, погиб он или живой.

Пенелопа, уставшая ждать, назвать себя вдовой ещё не готова. Со страхом глядит на обнаглевших людей, называющих себя её женихами. Они приходят к ней в дом, как к себе (это в дом Одиссея!), сдвигают столы, шумно в кости играют, забивают без спроса быков, режут свиней, пьют без спроса вино, насыщаются мясом без меры, громко кричат, веселятся, хохочут, пляшут, поют, хвастовству предаются, нагло спорят, кто станет мужем её – каждый мнит себя с нею на супружеском ложе.

Тяжело это видеть сыну её Телемаху. А ведь он, Телемах, – сын Одиссея (так мать ему говорила, но, по правде сказать, в этом он – на сегодняшний день – пока не сильно уверен).

Шумные пиры здесь длятся до самой ночи. Вот и теперь, лишь когда тьма опустилась на землю и море, разбрелись по домам утомившиеся женихи. Отоспаться – а завтра снова на пир.

Телемах, всех проводив, идёт через двор в свои покои. Дорогу ему освещает старая верная Еврикля. Эта женщина вырастила Телемаха, никто не способен так сильно любить его, как любит она. Для неё Телемах всегда будет ребёнком. Сейчас он свою дорогую тунику ей передаст, бережно расправит её Еврикля и повесит, как всегда, напротив лежа. И поспешно уйдёт.

Еврикля чувствует сердцем: что-то сегодня произошло с Телемахом. Был он дерзок, когда говорил с женихами. Отнюдь не будущий пасынок чей-то, тихий, послушный, что в сторонке сидит незаметно, но как будто действительно дома хозяин – такие вдруг резкие речи стал им говорить. Ох, тревожно за него Евриклее.

Да и с матерью тоже. Вон ведь Фемий-сказитель пел о битве, пел о героях, победивших неприступную Трою, об их возвращении и гибели многих в пути, – Пенелопа, услышав печальную песнь, вышла к гостям, попросила исполнить другую. «Нет», – сказал Телемах.

А всё после встречи с тем чужестранцем...

После встречи с тем чужестранцем Телемах нагрубил Антиною, сыну Евпифа, самому дерзкому из женихов. А уж тому не занимать наглости. Мнит себя уже хозяином дома.

Телемаху не спится. Цикады. Где-то птица ночная кричит. С моря веет прохладой.

Телемах на своём деревянном резном роскошном ложе изворочался весь. Вот и мысли его о том чужестранце.

Он назвался Ментесом, сыном тафийского царя Анхиала.

Появился на пороге с копьём, когда здесь готовились к пиру: женихи Пенелопы предвкушали веселье, толпясь во дворе; слуги в доме накрывали столы. Телемах его не сразу заметил, но всё же первым увидел, – поспешно к нему подошёл, учтиво принял копье, пригласил сразу в зал, к столу своему – в стороне, не со всеми. Копье с наконечником медным поместил у колонны в оружейном держателе, прежде служившем царю Одиссею.

Где-то за морем, на большом берегу, есть город Темес, рядом медные копи. Будто бы туда и направлялся со своим кораблем этот Ментес – за медью. Оказалось, он знал Одиссея – ещё до троянских событий. В прежние годы часто встречались. Да и отцы их часто посещали друг друга. Потому он и здесь: он хотел повидать Одиссея. Не знал, что ещё не вернулся в родную Итаку царь её с Троянской войны. Ничего не поделаешь. Если нет его, значит, боги велели ему в пути задержаться. Мало ли бывает на свете несчастий. Всё во власти богов.

Телемах не сумел скрыть внезапную радость, когда угадал в нём пришелец сына отца; тот спросил: «Ты, я вижу, и есть сын Одиссея?.. Похож!»

И тогда Телемах что-то мямлить стал про отцовство, смущаясь, мол, сынам убеждённости в этом нет никакой... но в тот же миг убедился в противном – чей он сын. И грудь ему жаром обдало.

Между тем (вспоминает) женихи в этой зале, по-хозяйски распорядившись, начинали буянить, пируя, – Телемаху стыдно было за них перед гостем. Чужестранец смотрел на них с изумлением. Кто такие они? Что им надо? Что здесь происходит? Разве это их дом? Телемах поделился своею бедой, и тогда благородный Ментес... нет, не так: и тогда человек, назвавшийся Ментесом, дал советы ему – один лучше другого.

Прежде всего, надо завтра же, пока не поздно ещё, собрать мужей Итаки на площадь. Честно рассказать им, что творится в доме Одиссея. Пусть постановят они прогнать женихов, прекратить разорение дома.

А чтобы узнать, жив Одиссей или нет, необходимо Телемаху покинуть Итаку. Прежде всего посетить надо Пилос – может быть, что-нибудь Нестор сумеет ему рассказать, мудрый царь и герой Троянской войны.

Менелай правит Лакедемоном (иначе, Спартой). Он последний, кто вернулся из Трои. Надо добраться до Лакедемона, Менелай многое знает.

Телемах, ты взрослый уже, ты наследник, в тебе кровь Одиссея, тебе предстоит самому разобраться с этой сворой громил, наглецов, горлопанов. Вспомни Ореста – твой ровесник, он вырос и отомстил за отца: убил убийцу.

(Повторяет в темноте Телемах, что сказал ему гость.)

Телемах, будь решителен подобно Оресту!

И тогда – вспоминает: и тогда в стороне от пирующих – чудо случилось. И никто другой не заметил его.

Телемах только взгляд на мгновение отвёл, посмотреть на женихов матери, – глядь на странника, а того уже нет. Только птица взлетела – и прочь.

Понял тогда Телемах, что не смертный был перед ним, но один из богов.

И почувствовал он, как сердце его наполнили твёрдость, уверенность, храбрость.

А кто из богов, он не знал.

А была то Афина Паллада. Самолично она обернулась тафийским царём, будто странником, неожиданным гостем Итаки.

Как у них, у богов (у богинь!), получается так, смертным нам понять не дано.

Спал бы Телемах этой ночью, может, боги ему бы раскрыли во сне, что нельзя наяву смертным увидеть. Собирались они (но не знал того Телемах) на Олимпе в чертогах у Зевса – обсудить, как им быть с Одиссеем...

Совет богов

Афина неспроста явилась Телемаху. Состоялся совет богов на Олимпе. Решали, как быть с Одиссеем.

Возвращение его домой затянулось, а сказать точнее – прекратилось: семь лет томится он на острове Огигии у нимфы Калипсо. Не нравится это Афине Палладе: какая-то нимфа, нечаянная спасительница Одиссея, рада тому, что к острову не пристаут корабли, думает, выпало ей бессрочное счастье, она уже и бессмертие ему предложила, а он истосковался по родным берегам. Пора прекратить мучения человека.

Остальные боги не возражали. Был бы против Посейдон, не простивший Одиссею ослепление его одноглазого сына – циклопа Полифема, но морской бог в это время гостил в стране эфиопов. Собственно, потому и смог собраться совет богов, что Посейдон отсутствовал. Чем и воспользовалась Афина, всегда благоволившая Одиссею.

Афина, всем известно, может быть и доброй, и жестокой, она способна и помогать, и наказывать.

В Троянской войне была на стороне греков, но, когда Аякс Малый в побеждённой Трое прямо в храме, посвящённом Афине, перед её статуей овладел Кассандрой, которая искала защиты у дочери Зевса, гнев богини обрушился на победителей. В греческом войске начался раздор. Одна половина поспешила отправиться в обратный путь, другая, во главе с Агамемноном, напротив, осталась вымаливать прощение и приносить жертвы.

Что до Аякса, покарать его Афине помогли и Зевс, и Посейдон.

Семь лет назад от Зевса досталось и Одиссею: его корабль разнесло молнией в щепки – даже без участия Посейдона. А не надо было спутникам Одиссея покушаться на священные стада Гелиоса. Ведь предупреждали же! Ан нет – не послушались. Одиссей не смог удержать их от святотатства (мяса им захотелось, голодным!..). В живых он остался один. Другие ко дну пошли. Вынесенного волной на берег, спасла его нимфа Калипсо. И вот уже семь лет он пленник её обольщающих чар. Вынужден с нею жить, тоскуя о доме родном, об Итаке...

Афина считает, пора прекращать несуразности эти. Вновь готова она помогать Одиссею – как прежде. Пусть он вернётся домой и пусть жестоко отомстит женихам за разорение дома. Афина желает увидеть это – как будет он мстить.

Зевс не против; раз того хочется его совоокой дочери, почему бы и нет? Надо сейчас же отправить Гермеса на остров к нимфе Калипсо, он передаст волю Зевса: освободить Одиссея!

Гермес тяжело вздыхает. А надо ли?

Однажды он уже спас Одиссея, когда другая женщина, волшебница Кирка, хотела его превратить в десятигодовую свинью. Вот тогда было дело. Вмешиваться сейчас в отношения двух островитян-любowników как-то ему не с руки. По правде сказать, страдания Одиссея он считает преувеличенными – ну немного, немного... Он не спешит.

А вот Афина действует стремительно. Прямо с Олимпа она переместилась в Итаку, с ходу приняв облик Ментеса, заморского гостя... Задача: сердцу Телемаха внушить уверенность; отправить Телемаха к уцелевшим вождям – Нестору и Менелаю. Нечего дома сидеть сложа руки. Повзрослел. Пусть хоть что-нибудь узнает о своём пропавшем отце. Жив или нет хотя бы.

Народное собрание

Итакийские глашатаи, в первую голову молодые – с их звучными, звонкими, сильными голосами, до сих пор не знали таких поручений. Телемах, только солнце взошло, велел им обойти городские кварталы и призвать граждан Итаки выйти на площадь.

Со времён Одиссея не призывался на площадь народ. Итака позабыла, что такое городское собрание.

Горожане пришли – кто с любопытством, кто снедаем недобрым предчувствием, кто развлечения ради. Кто ради того, чтобы повстречаться с другими. Кто себя хотел показать. Пошуметь, покричать, посмеяться, развлечься. Многих ноги сами сюда повели, лишь коснулись их слуха звуки призыва.

Только чей был призыв, не ведают граждане, – точно не знают, кто послал глашатаев к ним.

По толпе прокатился волною восторг: Телемах, вдохновлённый Афиной Палладой, быстрым шагом выходит на площадь – молодой, лучезарный, на поясе меч у него. Смело садится на трон Одиссея.

Первое слово – почтенному старцу Эгиптию. Друг Одиссея, один из старейших граждан Итаки, он выражает общее чувство: хочется всем скорее узнать, кто собрал их на площадь и в чём причина народного сбора.

Не идёт ли дело к войне? Не получил ли кто тревожных вестей об ужасной угрозе? Или всё к лучшему – боги, быть может, кому-то благую мысль подсказали, как обустроить Итаку?

Слово берёт Телемах.

Да, это он. Это он всех собрал. Это он, Телемах, отвлекает людей от повседневных забот, от трудов, развлечений, может быть, от заслуженной неги. Он нуждается в помощи. Дом его, всем известный дом Одиссея, почти что погиб, и виной тому женихи Пенелопы! Жители Итаки даже не догадываются, что ежедневно происходит за воротами дома. Женихи Пенелопы в нескончаемой череде пиров истребляют им не принадлежащее. Они убеждены, что Одиссей мёртв, и судя по всему, сами назначили себя хозяевами его дома. Самовольно забивают быков, баранов, свиней... поглощают в безумных объёмах вино. И длится это не день и не два, и не месяц, а долгие годы...

Годы?

И действительно, трудно поверить, но прав Телемах, длится годы безобразие это, если точно – три полных года уже! – и четвёртый пошёл...

Жители мною любимой Итаки, всего же печальнее, говорит Телемах, это ваши всё сыновья, сыновья знатнейших и лучших, – неужели не стыдно вам, неужели вы не способны уговорить их волей отцовской? Или вас обидел мой отец Одиссей и вы теперь мстите ему? Отчего бы вам не забрать всё, что есть в нашем доме, что есть у нас на дворе, – вещи, скот? Мы бы к вам, обнищав, приходили выклянчивать наше добро – глядишь, сохранилось бы что-нибудь?

Мужи устыдились. А женихи – их сыновья – им хоть бы что.

А мужи, они, правду сказать, устыдились. У иных даже слёзы по щекам потекли. Молчат, опустили глаза.

Но не все.

Тут слово берёт Антиной, из всех женихов самый знатный и самый нахальный.

Телемах, говорит Антиной, ты, что ли, рехнулся? Кого ты хочешь разжалобить? Это мы тебя объедаем? Ты, может, не знаешь, для чего мы приходим в твой дом? А я скажу для чего. А чтобы услышать, обличитель ты наш, выбор твоей овдовевшей матери. Только вот она всё тянет и тянет. Четвёртый год ни везёт ни едет, ни мычит ни телится. Обещала, и как будто

дело теперь не её. А мы ждём каждый день. А мы каждый день, как дураки, приходим. А мы надеемся!

И тогда он ко всем обратился.

Сейчас я всё расскажу, сейчас узнаете, что придумала эта хитрющая. Видите ли, решила она три года с гаком назад соткать старцу Лаэрту, деду нашего обличителя, погребальное покрывало. Вот умрёт отец Одиссея, а по достоинству его нечем накрыть. Так уж и нечем? Ну да ладно, дело хорошее. Обещала назвать жениха, когда закончит работу. Мы поверили – ждём. Четвёртый год в дом к ним приходим, а работы и края не видно. Мы бы других уже невест нашли, молодость наша не вечна. А тут, не поверите, служанка проговорила. Оказывается, сплошной обман: что за день Пенелопа соткёт, то ночью сама и распустит. Как вам нравится это? Так мы никогда не женимся! Ну и кто теперь пострадал? А он ещё говорит...

Есть предложение у Антиноя: отправить Пенелопу к её престарелому отцу, под опеку его – к Телемаху деду Икарию. Он богат, пусть он сам разберётся с приданым, пусть сам её выдаст скорее. Ему-то она будет послушна.

Вот пускай Телемах этим сам и займётся!

Стал Телемах горячо возражать Антиною. Да так страстно, так пылко, что стал (сгоряча!) угрожать женихам. И как только сказал, что Зевс их всех покарает...

(... Тут надобно заметить, что общественные собрания во все времена во многом подобны друг другу...)

... И как только Телемах помянул имя Зевса, случилось одно знаменательное происшествие: два орла с диким криком возникли в небе над площадью – один в другого на глазах изумлённых людей вцепились когтями, а затем, на лету продолжая борьбу, пропали из виду.

Многолюдная площадь шумно вздохнула.

И тогда Алиферс, старый друг Одиссея, обратился к народу по праву знатока птицегадания: знал он толк в ворожбе. В речи своей, обращённой к народу, предостерёг он от беды женихов – кара близка. Бой орлов – знак того, что скоро сюда возвратится владыка Итаки и жестоко накажет он всех, кто разорял его дом, помогаясь жены.

Напомнил Алиферс о давнем своём прорицании. В самом начале войны, когда корабли только уходили на Трою, и никто не думал, что продлится война десять долгих лет, предсказал Алиферс двадцать лет отсутствия Одиссея в Итаке. Время и невзгоды сильно изменяют внешность его, и никто его не узнает, когда войдёт он в свой дом. Но он войдёт. И время близко.

Евримах, сын Полиба, ещё один знатный жених, отвечает птицегадателю резко.

Сказочник! Пугай детей, а не нас. Мы птиц не боимся. Никого не боимся! Одиссей нам не страшен. Он мёртв. А ты перестань подстрекать Телемаха. У него и так с головой неполадок. Пойдёт против нас – пожалеет. Сегодня мы хозяева в том доме. Пусть скажет Пенелопе спасибо. Пенелопа сделает выбор, и мы уйдём. А нет – пусть терпит разорение дома. Никто нас не прогонит, никто не прекратит наши пиры. Надо платить за вероломство. Сватовство затянулось не по нашей вине.

Телемах говорит, что спор находит бессмысленным. Телемах об одном просит мужей Итаки – снарядить ему корабль с гребцами. Он поплывет в Пилос, потом посетит Лакедемон. Узнает, что говорят об отце в иных землях. Если точно нет среди живых Одиссея, поспешит назад на родной остров – в память об отце установит кенотаф, достойный памяти героя, тризну справит, выдаст мать за того, на кого падёт её выбор.

Ментор взял слово. Один из первых друзей Одиссея. Поручил ему Одиссей содержать хозяйство, следить за домом и воспитывать сына.

Сына близкого друга он воспитал – сам Телемахом гордится. А вот с хозяйством в итоге получается хуже: знает Ментор лучше других, какой наносят урон женихи-разорители.

Словом горячим своим пытается он устыдить равнодушных, которых здесь большинство. На ваших глазах, говорит, происходит, по сути, грабёж, разорение царского дома, а вы словно не видите, словно забыли, кто правил Итакой. Или вы уже власть над собой признаёте горстки наглых, безмозглых, раз готовы мириться с их нелепым, безрассудным порядком?

Леокрит (конечно, жених) тут же поторопился с ответом. Немногословная речь, к тому же последняя.

Ментор! Не смей на нас никого натравливать! Жив или мёртв Одиссей, это не важно, он уже в прошлом. Пусть приходит, коли живой, – не поздоровится! И вообще, всех дома ждут дела и заботы. Не о чем тут говорить. Пора расходиться.

Народ в самом деле расходится. Кто-то ушёл, пожимая плечами, иные – потупив глаза.

А первыми женихи, веселясь, покинули площадь – ещё бы, им надо на пир!

Телемах сидит на троне отцовском; в глазах – грусть.

Вот тебе и собрание, вот тебе и совет.

Берег морской. Руки умыв, как подобает перед молитвой, смотрит вдаль Телемах. Вывает он к божеству, вчера его посетившему.

Знака того, что он услышан, нет на небе ему. Он даже не понял, в чём новое чудо, когда оглянулся на оклик: видит, быстрым шагом Ментор идёт, хочет что-то сказать.

Подошёл. Телемах! Надо спешить. Иначе, если время упустить, тебе помешают. Этой ночью необходимо отплыть. Иди домой, собери скорее припасы. Амфоры наполни вином, насыпь муку в мешки из непромокаемой кожи, позаботься о снеди. Всё есть в кладовой – той, что за двумя дверьми, твоя ключница знает. И не спрашивай, где взять корабль. Много у нас кораблей на Итаке. Это беру на себя. Мне дадут. Ну иди же, не мешкай.

Телемах домой поспешил, исполненный благодарности к Ментору.

А на самом-то деле это вовсе был и не Ментор – это Афина обличье Ментора сейчас приняла.

Боги тоже способны увлечься. Ладно бы просто помочь Телемаху, но, похоже, просто в радость богине сами по себе перевоплощения эти. Смена обличий, игра голосами – всё её увлекает. Вчера Ментосом была, а сегодня – вылитый Ментор. Так и это ещё не конец. Пока Телемах, домой возвратившись, объясняется с ключницей, Афина принимает обличье – кого бы вы думали? – его самого, Телемаха!

А он и не знает!

Вчера явила себя в образе почтенного мужа, а сегодня Афина обратилась юношей светлоликим, и всё ради пользы того сложного замысла, который её веселит.

Носилась по улочкам, там побывала и сям, убеждала прохожих пойти на корабль гребцами, стучалась в дома, во дворы заходила, – два десятка молодых добровольцев так и остались при мысли, что их призывал на корабль Телемах.

Посетив кораблевладельца Ноемона, сметливого сына разумного Фрония, предложила одолжить ей... то есть как бы всё ж Телемаху (стало быть, это не «ей», а «ему», это «он» попросил одолжить...) свой прекрасный корабль; Ноемон с превеликой радостью согласился.

Когда гребцы-добровольцы, вдохновлённые Телемахом-Афиной, собрались в бухте у корабля, дочь Зевса вновь как бы Ментором стала и поторопилась в дом Одиссея к настоящему Телемаху – помочь ему незаметно собраться. На пирующих женихов она напустила дремоту, да такую, что прямо за столом стали ронять кубки с вином; пришлось им по домам расползаться. Евриклея, няня-ключница, помогла тем временем в сборах Телемаху (настоящему Телемаху).

Окружённый амфорами и пузатыми мешками, он с нетерпением ждал известий от мнимого Ментора, поражаясь его отнюдь не мнимой находчивости. Впрочем, больше всего удивляла Телемаха внезапно удачная сонливость женихов, не знал он, что так распорядилась Афина.

Потом они вместе, Телемах и мнимый Ментор, сходили в бухту за гребцами.

Пенелопа была у себя наверху, а верная Еврикля под открытыми дверями в кладовую беззвучно плакала, видя, как молодые гребцы поднимают на плечи груз: она единственная в доме знала, на что решился Телемах, и боялась отпускать его в море. Трудное поручение он ей оставил – скрывать от матери отсутствие сына. Только на двенадцатый день, если сама не спохватится раньше, можно сказать Пенелопе, что сын её, должно быть, скоро вернётся, он покинул Итаку, чтобы узнать об отце.

Ночью тропа к морю едва различима. Ментор шёл впереди. Искали глазами корабль в бухте. Палуба его была чёрного цвета. Чернота была кораблём.

По команде гребцы берутся за вёсла. Ментор-Афина и Телемах рядом сидят на корме. Звёзды укажут путь. Далеко не отплыли – попутный ветер подул (так захотелось Афине). Установили мачту, подняли парус, понеслись по волнам.

Во славу Афины пили вино. Старый Ментор пил вместе со всеми. И никто не знал, что он и есть Афина Паллада.

Нестор

В Пиросе торжество. Сто, как один, чёрных быков приносятся в жертву.

Ему – Посейдону.

Лишь с моря можно увидеть весь размах гекатомбы.

Вдоль берега тянутся долгими нитями девять ступеней-скамей. На каждой – по пятьсот человек.

Священная пища сочна. Бёдра быков отдаются огню.

Бог моря доволен. На жертвенный убой отвечает ублаготворённым прибоем.

Через свои морские владения пропустив парус, он позволяет бросающим якорь завершить долгий путь.

Жители Пироса видят, как сходят мореходы на берег.

Писистрат (имя его таково), младший сын царя Нестора, послан отцом встретить гостей. Он, ровесник Телемаха, зовёт их занять почётное место между царём и своим старшим братом Фразимедом, вместе с отцом воевавшим под Троей.

Кубок вина в честь Посейдона первым – как старший – принял из рук царя псевдо-Ментор, он же Афина (старшинство здесь, однако, лишь по внешнему виду: нелепо «старше / моложе», временные сравнения эти, применять в отношении сходства-несходства смертных с бессмертными, – только будет ли кто-нибудь думать об этом, если Афина упорно желает хранить тайну ложного облика?).

В образе смертного богине легко людей изумлять непостижимо изысканной речью. Слышит ли Посейдон в честь него обращённое слово? А ты, Телемах, вдохновляйся. Робость тебе не к лицу.

Псевдо-Ментор, старик (он же Афина Паллада), и молодой Телемах сидят на овчине рядом с царём – нет здесь почётнее места.

Сначала еда, угощения, и только потом о себе разговоры.

Вот голод гостей утолён, теперь самое время узнать, кто же они и что побудило их скитаться по морю... Неужели добытчики? – царь Нестор спросил (вовсе обидеть не думая словом, – плохо, когда грабят тебя на воде, но, если ты сам победил чужестранный корабль... это в порядке вещей, – к пиратству в те времена относились терпимо, не сказать уважительно...). Или, быть может, купцы? И откуда плывёте?

Отвечал Телемах.

Он рассказал про Итаку. Сказал, что он сын Одиссея – да, того, с кем благороднейший Нестор вместе сокрушал неприступную Трою. А здесь он для того, чтобы проведать о злой судьбе своего отца. Если погиб, то как? О каждом павшем под Троей известно, как он погиб. И только отец его, для несчастий рождённый... где мог после победы он умереть? Есть ли могила его?

Нестор, сын Нелеев, о царь, слава твоя велика! Расскажи об отце, что знаешь.

Старый Нестор растрогался: сына друга своего видит перед собою.

Рассказал Нестор, чем закончилась война, какая распря пошла среди победителей, как повздорили братья-вожди Менелай с Агамемноном: первый предлагал сейчас же отплыть, второй – остаться, чтобы жертвами многими унять гнев богини (в песне, дошедшей до нас, о при-

чине гнева того не поётся, но мы-то знаем и помним: а не надо было Аяксу брать силой Кассандру прямо в храме Афины!..).

Рассказал Нестор, как пьяное войско победителей расколосось пополам, не умея принять одно решение.

Как поутру разделилось воинство Менелая, одна половина осталась с Агамемноном, с другой Нестор отправился в Тенедос – увозя добычу и дев.

Как назад повернули корабли Одиссея.

Как на Лесбосе соединились флотилии Диомеда и Нестора с догнавшим их Менелаем.

Как, доверяясь предвестию, решились идти напрямиком через море.

Как, преодолев открытое море, на берегу Гераста благодарили сотрясателя земли Посейдона, принеся ему обильную жертву.

Как Диомед отправился в Аргос, а он, Нестор, в Пилос.

Как добрался без трудностей в Пилос, и вот он на родине, здесь, и не знает, что стало с другими.

Нет, не знает, что стало с другими.

Впрочем, ему рассказывали, что...

Что достигли родных берегов Неоптолем, Филоктет, Идомей...

Что Агамемнон (но это, конечно, все знают) убит в день возвращения любовником своей жены...

Что преступление это не осталось не отмщённым – убийца Эгист убит Орестом, сыном убитого (вот с кого надо брать пример тебе, Телемах!)...

Так, а что ж с Одиссеем?

Об Одиссее Нестор ничего не знал, кроме того, что корабли его с полпути вернулись назад, но об этом – забегая вперёд – даже сам Одиссей ничего не расскажет... Так что было ли это?

Нестор советовал Телемаху не отлучаться надолго из дома – кто ведаёт, что придумают женихи? (Телемах ему рассказал об их бесчинствах.) И всё же непременно надо, так Нестор сказал, посетить Менелая. Он позже других до дома добрался. Менелай может знать что-нибудь об отце Телемаха.

Если готов Телемах отправиться к Менелаю сухим путём, Нестор даст колесницу.

Писистрат вместе с Телемахом поскачет – вдвоём и надёжнее, и веселее.

Между тем стало темнеть. Ментор (Афина) напомнил, что пора отрезать жертвенным быкам языки. Отрезали языки, бросили их в огонь.

Нестор хотел гостей у себя во дворце поселить, но Ментор наотрез отказался. Пусть Телемах идёт во дворец, а ему, Ментору, удобнее на палубе. Надо гребцам поднять настроение, все они одного возраста с Телемахом, все по доброй воле плывут. Телемаху завтра дадут колесницу, а ему, Ментору, плыть к народу кавконов – есть у них долг перед ним, и пора возвращать.

С этими словами Ментор – на глазах у всех – превратился в орла.

И полетел.

Вряд ли в сторону корабля. Афина-Ментор-орёл задачу свою выполнила.

Конечно, рты все разинули, кто это видел.

Да уж, вымолвил Нестор наконец, будет путь тебе, сын Одиссея! Кто-то из бессмертных тебя ведёт. Сдаётся мне, это сама Афина Паллада. Обожала она твоего отца, никому другому так не помогала под Троей...

Обещал ей поутру корову пожертвовать – нерожавшую, с позолоченными рогами.

В сердце Телемаха утвердилось уверенность.

Женихи замышляют убийство

Удивительная история произошла с кораблевладельцем Ноемоном.

Идёт он в родной Итаке по улице, а навстречу ему Ментор как ни в чём не бывало.

Ноемон глазам не верит, стоит как вкопанный. Ему достоверно известно, что Ментор покинул Итаку, уплыл вместе с Телемахом в Пилос. Ноемон ещё в здравом уме: он прекрасно помнит, как приходил к нему просить корабль Телемах – был красноречив, убедителен, воодушевлён. Он гребцов набирал, все молодые, из лучших граждан Итаки. Можно ли не дать на хорошее дело, тем более когда предводителем будет у них сам Ментор? Предоставил корабль с радостью. И теперь вот вопрос: а кому?

Тот Ментор принимал корабль, можно сказать, из рук Ноемона; на глазах Ноемона давал указания молодым.

А этот? Этот Ментор ничего вообще не знает. Этот, который настоящий Ментор, которого можно руками потрогать, он друг Одиссея, воспитал Телемаха, но он явно не тот, который уплыл... Он здесь!

То был бог какой-то в облике Ментора – получается, так. Или кто?

Судьба корабля не безразлична Ноемону, хозяину. Решает спросить женихов. Они знать должны.

Ноемон мог бы так рассказать.

...Прихожу в дом Одиссеев, они во дворе состязаются – дротики, диск... Скоро пир будет у них, им весело... Антиной с Евримахом отдельно сидят, важные оба... Тут дело такое, им говорю, мне надо в Элиду, там у меня лошаки, кобылицы, я бы объездил здесь одного, только как привезти, раз корабль отдал? Скажите-ка мне, надолго ли в Пилос уплыл Телемах?... А эти глазами моргают. Как уплыл Телемах? Быть не может! С кем, когда?... Вижу, как побледнели... Дело тёмное... Уплыли с Ментором, им говорю, или с богом, который облик Ментора принял... Сказал и пошёл. С богами не шутят. Лучше не думать об этом. Ментор так Ментор. Уплыл так уплыл.

Женихов известие об отплытии Телемаха ошеломило ещё больше, чем самого Ноемона его случайная встреча с истинным Ментором.

Женихи думали, что Телемах просто отлучился из города на несколько дней – может быть, отправился к своему деду Лаэрту, да мало ли куда... Но тайно отбыть в далёкий Пилос!.. Зачем? За подмогой?.. Хочет помешать сватовству?.. Нельзя допустить, чтобы он привёз добрые вести об Одиссее. Да и вообще, теперь Телемах здесь лишний, повзрослел, оперился – не надо ему возвращаться.

Решили подстеречь его на обратном пути. В проливе между Итакой и Замом есть ещё небольшой остров с тихой бухтой, – вот там и могло бы затаиться стерегущее судно в засаде. Надо перехватить корабль Телемаха. Не надо Одиссееву сыну возвращаться назад.

Двадцать человек для корабельной засады отобрали тут же, без промедления.

Глашатай Медонт рассказал обо всём Пенелопе. Заплакала мать: уплыл в неизвестность, даже не предупредил. Как ни посмотри, всюду угрожает её сыну опасность – или бурное море, или в коварной засаде злобные женихи.

Евриклея пала на колени, созналась, что знала об отплытии Телемаха, но он взял с неё клятву не говорить матери двенадцать дней, если сама не прознает раньше.

Во дворце Менелая

Вечером Телемах и Писистрат достигли на своей колеснице Феры, там и переночевали у Диокла, царя. В песне, дошедшей до нас, помимо сего, ничего не поётся.

Вечером следующего дня достигли Лакедемона и сразу попали на праздник, причём двойной. Царь Менелай провожал свою дочь в Фессалию, она выходила за Неоптолема, сына Ахилла; одновременно свадьба справлялась – женился Мегапент, его любимый сын, рождённый рабыней (а что делать, когда Елена в стане врагов, да и вообще мальчиков ему не рожала?).

Когда царю доложили о прибытии двух неизвестных, он велел звать.

Но прежде, чем присоединиться с дороги к пирующим, молодым людям надлежало пройти омовение, а точнее, купание – потому что не в ваннах, но в просторных купальнях. Рабыни их искупали-омыли, нарядили в чистые одежды и проводили в залу.

Пир был в разгаре. Пели певцы, танцевали танцоры.

Менелай позвал подойти и посадил рядом с собой.

Сначала надо накормить и напоить гостя, а прежде того нельзя донимать его расспросами, кто он, откуда. Но и гостю неприлично рассказывать о себе, прежде чем его не спросит хозяин.

Зато прилично хозяину рассказывать о себе, о своём доме, о своих подвигах.

Разговор с того начался, что услышал Менелай слова восхищения богатством его дома, один признавался другому (Телемах – Писистрату), что будто бы он у Зевса самого на Олимпе, так всё роскошно – и золото здесь, и серебро, и янтарь, и слоновая кость... Это услышав, Менелай возразил: богатства Зевса непреходящи, точно так же, как и сам он бессмертен, – нам же, смертным, с богами мериться, юноши, никак нельзя. Так он сказал. А богатства этого дома – это всё наживное, всего лишь плата за те невзгоды, что перенёс он, Менелай, никогда не боявшийся идти навстречу опасностям, где бы ни случилось ему быть – у стен ли Трои, в открытом ли море или в Египте. О том рассказал Менелай, только с одной оговоркой: много несчастий он перенёс, но все эти беды просто ничто по сравнению с тем, что выпало другому царю – царю Одиссею. Он один до сих пор не вернулся с войны. А каково это томиться двадцать лет, не ведая, жив он или мёртв, изо дня в день, из года в год ждать и плакать – престарелому отцу его Лаэрту, жене его Пенелопе, сыну его Телемаху, которого он младенцем оставил!..

Не выдержал Телемах и в самом деле заплакал. Осёкся могучий царь, замолчал, боясь поверить догадке. А тут Елена вошла. Вошла и руками всплеснула: о боги, один к одному!

Елена Прекрасная могла бы так рассказать.

...Мне доложили, что прибыли двое на дорогой колеснице, незнакомые, совсем ещё юноши, – ведут себя неуверенно, озираются по сторонам... Менелай рядом с собой посадил... Ну вот, подумала, опять допытливые, посмотреть на меня им надо... Я же у них у всех перво-причина Троянской войны, все поглазеть хотят на Елену Прекрасную. Едут и едут...

Вышла... И взгляд мой мгновенно приковался к нему... Невероятно! Передо мной сидит молодой Одиссей!.. Всё его – и форма лица, и нос, и глаза, только в глазах почему-то слёзы... А муж мой рядом и как будто не замечает, с кем он общается... Встретились мы с мужем глазами, я ему: ты что, правда не видишь? Это же Телемах!.. А он мне: ох, вот и мне показалось, не Телемах ли это, не сын ли царя Одиссея...

А второй, так и есть, говорит, Телемах перед вами, сын Одиссеев, просто он очень скромный и боится показаться навязчивым...

Давно я не видела мужа таким взволнованным. Стал он рассказывать об их дружбе. Стал вспоминать разное... Всё-таки в том деревянном коне вместе сидели, не забудешь такое... Лучшим ахейцем назвал. О, если бы вернулся Одиссей, Менелай готов освободить для него в

Аргосе землю, дворец построить, переселить вместе с семьёй, домочадцами, всем народом! – лишь бы жил Одиссей по соседству, лишь бы можно с ним было встречаться, с лучшим другом своим вспоминать прошлое!.. Тут я заплакала. И юноши плачут. И у мужа моего многославного от им же сказанного глаза увлажнились. А он ещё брата вспоминает, его дикую смерть... Нет, думаю, так неправильно. Подсыплю-ка я зелья тут одного, что привезла из Египта, бодрит оно, гасит печали, хорошая травка есть у меня – повеселели они...

А я вот вспомнила что: как встретила Одиссея в осаждённой Трое... Он тогда проник в город в лохмотьях – все за раба его принимали. Ещё бы! На нём живого места не было, а это он сам себя бичом приказал истязать, чтобы никто не сомневался: раб!

Я одна тогда узнала его. Конечно, никому не сказала. Я уже тогда хотела поражения Трое, хотела к Менелая вернуться, он знает...

А Менелай любит рассказывать, как они в деревянном коне таились, а я будто бы его обходила (три раза, говорит, обошла) и всех выкрикивала голосами их жён. Это когда кто-то из богов хотел через меня поразить ахейских героев. Говорит, что едва-едва воли хватало не закричать в ответ и что Одиссей всех сдерживал, не позволял никому себя обнаружить, а одному даже рот ладонью закрыл, и если бы не это, всем бы им был конец... По правде сказать, я не помню такого. Голосов их жён никогда не знала. И откуда он понял, что это я? Показалось, наверное. Но пусть.

По-видимому, Менелай в этот вечер не был уверен, что накормил молодых гостей досыта и напоил вдоволь, потому и не позволил себе задать главный вопрос. И вот уже утром, когда Телемах ещё лежал в постели, он подошёл к нему и наконец спросил откровенно, прямо: ответь, Телемах, сын моего лучшего друга, если это не тайна, что же всё-таки заставило тебя преодолеть столь великое расстояние, какова цель твоего приезда?

Так вот я и говорю, сказал сын Одиссея, хочется мне об отце проведать, должен ведь кто-нибудь знать, как он погиб и где. И погребён ли где-нибудь. Царь Нестор ничего не знает, послал к тебе, царь Менелай.

Я так и подумал, сказал Менелай.

А что до судьбы Одиссея, мне скрывать нечего, сказал Менелай, всё расскажу. Слушайте.

Морской старец Протей, или Как Менелай узнал о судьбе Одиссея

Вот что значит не держать слово. Ещё в Египте Менелай обещал богам свершить гекатомбу и не сдержал слово, а боги не любят, когда их обманывают. Есть остров Фарос напротив Египта, там гавань хорошая, оттуда удобно выходить в море, и вот остановился там Менелай, прежде чем отправиться на родину, да и застрял – двадцать дней не было ветра с берега. А это что-то немыслимое. Ежевечерне там ветру принято с берега дуть. И вдруг такая история. Ясное дело, боги вмешались.

Двадцать дней без движения – это значит конец провизии. Хорошо, вода питьевая была на острове, а чем в дорогу съестным запаслись, это всё съели. Люди роптать начинали. И вот кто выручил Менелая: дочь старца морского. Зовут её Эйдофея. Шёл Менелай вдоль берега моря, навстречу – она. И произносит с улыбкой: ты не спятил ли, путник? И себя, и людей уморишь на острове нашем. Ну что тебя держит? Давно бы уже помирился с тем из бессмертных, кого ты обидел!..

А с кем мне мириться? – Менелай вопрошает. Как мне узнать, кто зло затаил против меня?

Так это проще простого. Мой отец, он вещун. По части морской лучше его прорицателей нет (говорит она Менелая).

И объясняет, в чём трудность.

Просто так от него ничего не добьёшься – ну не будет он отвечать. Надо его побороть. Это непросто, потому что он хоть и старик, но очень уж вёрткий. Будет он обращаться в зверей там различных, в деревья, в предметы отнюдь не живые – в воду хотя бы. Но надо его упорно бороться, чтобы выдохся, – тогда он и сдастся, и расскажет всё, что ни спросишь.

Теперь – как найти. Она покажет пещеру, где он спать полюбил. Выйдет из моря и сразу туда. Но спит не один, а в окружении тюленей. Тюлень – это такое существо с гладкой чёрной кожей, у которого вместо ног ласты. Обитают они и на суше, и в море. Выползают из моря всем стадом и ползут отдыхать в пещеру.

Всегда, прежде чем лечь, их считает, на месте ли все.

А при чём тут Одиссей, хотите спросить? Скоро и до него дойдём.

Предложение такое. Пусть Менелай возьмёт трёх товарищей, кто посильнее да посмелее. Она им покажет пещеру, они лягут там в углубления, вылежанные тюленьями, – морская богиня их накроет свежими тюленьими шкурами. Как будто они сами тюлени и спать легли. Остальное зависит от них. Надо ждать и таиться, а главное, когда соберутся все, не пропустить мгновения.

Пришли они вчетвером, когда ещё никого не было, легли, устроились под кожами тюленей – плохо, что эти покрытия сильно воняли. Пришлось богине помазать их ноздри амброзией. А иначе вытерпеть невозможно.

От скуки и тоски едва не умерли, но выдержали – не потеряли терпения.

Наконец из моря стали выползать тюлени и укладываться в пещере один подле другого.

Потом и старец появился, убедился, что нет в стаде тюленей убыли, и лёг между Менелаем и его людьми.

Да, но Одиссей где же? Немного внимания! Сейчас дойдём.

Только уснул морской старец, а Менелай вместе с тремя другими как закричат да как набросятся на него! И ну ему руки за спину заворачивать! Тут же превратился старец во льва! Но это ему не помогло. Тогда он стал леопардом!.. А потом злым кабаном!.. В кого только не превращался!.. Деревом становился с распушенными ветвями!.. Становился водой!

Но ничего у него не вышло – побороли его. Шутка ли сказать – смертным побороть врукопашную бога! А Протей какой-никакой всё-таки бог, ну божество... одно слово, бессмерт-

ный!.. Принял тогда он свой обычный облик – старца морского и говорит: всё, сил больше нету. Не знаю, кто из богов рассказал вам, как меня побороть, но раз получилось, задавайте вопросы – отвечу.

Спросил Менелай вещего старца Протея, что тут вообще происходит, почему ветра нет в сторону моря – кого из бессмертных Менелай разгневал и что ему теперь делать. Ответил Протей, что и сам бы мог Менелай догадаться: Зевс недоволен. Обещана ему была гекатомба, и где она? Нет её – обманул. Не увидит Менелай родных берегов, пока не возвратится в Египет и не свершит гекатомбы там, где великая река потоком врывается в море.

Вот этого он и боялся, больше всего не хотелось ему возвращаться в Египет, но ничего не поделаешь, придётся исполнить.

Спросил он тогда о других, раз случай такой: с кем ещё в Трое расстался или уже в пути, все ли они смогли возвратиться?

Лучше бы тебе не знать этого, ответил Протей.

Двое из вождей погибли, а третий – в плену.

Первым погиб Аякс Малый, кощунник, осквернитель храма Афины. Дочь Зевса поразила его молнией, которую дал ей отец, когда злополучный Аякс залез на скалу и объявил громко, что спасся от бури вопреки воле богов (безрассудный!).

Второй – Агамемнон.

Вот когда узнал царь Менелай о гибели своего брата, царя Агамемнона.

Зарыдал Менелай. Горе было его велико. Долго плакал, пока не сказал ему старец: не плачь – что случилось, того не исправишь. Сам знаешь, на всё воля богов.

А что же третий – кто он, в каком он плену?

Так вот: третий, о ком говорил Протей царю Менелаю, и есть Одиссей.

На дальнем острове Огигия обольстительная нимфа Калипсо держит в плену Одиссея. Не пристают к Огигии корабли, нет Одиссею пути на родину. Видел Протей Одиссея, плачущего на утёсе...

Далее рассказывал о себе Менелай, что, согласно Протею, после смерти попадёт он на Елисейские поля... в число избранных... но это уже про другое.

Вот и всё, что узнал Телемах о своём отце. Много это или мало?

Главное: Одиссей жив.

Просил Менелай Телемаха остаться погостить у него дней двенадцать...

Не задерживай меня, царь Менелай, отвечал ему Телемах, рад я слушать твои бесподобные истории, но надо мне домой торопиться, беспокойно у меня в доме.

Много ли историй рассказал Менелай Телемаху, в песне, дошедшей до нас, о том не поётся, но пробыл в гостях сын Одиссея ни много ни мало месяцев.

А судьбой Одиссея опять озадачились боги.

Второй совет богов на Олимпе

Второе собрание богов, посвящённое судьбе Одиссея, так же как и первое, стало возможным благодаря одному обстоятельству – отсутствию Посейдона. Ничего не подозревающий главный недоброжелатель Одиссея продолжал гостить в стране эфиопов.

Этим и воспользовалась его совоокая племянница Афина. Повела богам, что смертные стали забывать отважного и мудрого Одиссея, томящегося в плену у всеильной нимфы. Но могут ли такое позволить себе боги? Время идёт, а ничего не меняется, разве что и Телемаху теперь грозит насильственная смерть.

Зевса немного смутила настойчивость дочери. Не она ли сама замыслила истребление врагов Одиссея по его возвращении? Позаботиться о Телемахе она способна сама. Что касается Одиссея, да, Зевс подтверждает прежний приказ; непонятно, почему он не выполнен; пусть Гермес немедленно отправится на остров Огигия к нимфе Калипсо и велит ей отпустить Одиссея.

Всё просто.

Кроме того, Зевс наметил в общих чертах близкое будущее Одиссея – не без подробностей, впрочем. Так, до суши доберётся Одиссей, избежав губительных опасностей, на двадцатый день скитания по морю. Это будет земля феаков, лучших мореходов. Они помогут ему вернуться в Итаку.

Вроде бы и здесь всё просто, если Зевс решил. А нет. Брат его Посейдон ещё ничего не знает об этом.

Часть вторая Одиссей: возвращение

Остров Огигия. Нимфа Калипсо

Одиссей, почему ты пренебрегаешь бессмертием? Живи со мной, и бессмертие настигнет тебя – будешь, как я. Хочешь тайну? Бессмертие заразно.

Одиссей, я счастлива рядом с тобой. Но счастье моё омрачено печалью: я тебе не нужна. Почему, Одиссей?

Одиссей, перестань смотреть в даль моря. Ничего нового там не увидишь. Перестань тосковать по отчизне. Забудь Пенелопу. Прошло девятнадцать лет, как ты покинул Итаку! Ты уверен, что она жива? Ты думаешь, она не изменилась? Ты уверен, что узнаешь её, если боги вам пошлют встречу? Просто ты ко мне привык, Одиссей, к моей вечной молодости, к неизменчивости моей красоты, но с другими не так: ты со мною забыл, Одиссей, что смертным, особенно женщинам, свойственно быстро стареть.

Или ты просто свихнулся?

...Одиссей, у меня, кроме тебя, никого нет. Только служанки... Семь лет, проведённых с тобой, для меня одно мгновение. Ты хочешь меня обречь на вечность одиночества?

Гермес, посланник Зевса, явил себя на острове нимфы Калипсо.

Нимфа не обрадовалась Гермесу, ничего хорошего его посещение не предвещало.

Гермес передал волю богов (отнюдь не Посейдона, однако), а воля была такова: Одиссей, претерпевший невзгоды, должен быть отпущен.

Нимфа Калипсо попыталась было объяснить Гермесу, что страдания Одиссея все в прошлом, что не будет ему нигде лучше, чем здесь. Разве не она семь лет назад спасла Одиссея, выброшенного волной на скалы? Разве не она выходила его, полюбила? Да и может ли она его отпустить одного – без гребцов, без корабля? Разве остров не принадлежит ему, как и ей самой? А что Гермес? Он лишь гонец, ничего не решает.

Мог бы Гермес потом так рассказать.

...Было такое, однажды я уже помогал Одиссею, обстоятельства те же: одинокая женщина, ласковый плен. Случилось это лет восемь назад, но не нам, богам, годы считать, могу ошибиться. Вот я бессмертный, выгляжу даже, пожалуй, младше его, а говорят, он мой пра-внук. Может быть. Не помню. Что-то было у нас с его юной прабабкой... Короче, явился я ему на пути, когда он шёл к чародейке Кирке, а та имела обыкновение всех мужчин превращать в свиней, вот я и дал ему корешок-травку, противоядие. В свинью она его не смогла превратить, но сделала любовником – на год. Быть любовником ослепительно красивой волшебницы все же лучше, чем хрюкать свиньей, не так ли? Везёт ему на таких женщин. Но во всём следует блюсти меру. Нимфа Калипсо счёт годам потеряла. Семь лет любовных утех с Одиссеем – это уже чересчур, воля богов: нимфа Калипсо должна освободить Одиссея. Моё дело простое. Всему свои сроки. Сам-то он сидит на скале, на море смотрит, плачет. Это у него хорошо получается – фигурой страдания сумел разжалобить нас на Олимпе. Признаюсь, несчастье его, думал я, тяжелее. В этот раз я с ним не намерен встречаться. Нимфа отпустит его, про меня вряд ли скажет. Сделает вид, что сама. Ладно, пускай. Их личное дело.

Воля Зевса непреклонна, и Гермес её передал. Надел свои летучие сандалии и был таков. А ты горюй, нимфа Калипсо.

Опечалилась Калипсо, а делать нечего. Знать, глубока тоска Одиссея. Это ж надо так по родине и жене истосковаться, что даже богам захотелось ему помочь!

...Одиссей, ты этого желал, да? Я тебя отпускаю. Построишь плот – обеспечу съестным и попутным ветром. И отправляйся.

Одиссей не поверил. Решил, что тут какой-то подвох. Как это поплыть на утлом плоту одному в открытое море? Уж не смерти ли его захотела?

И тогда нимфа Калипсо не чем-нибудь, а небом, землёй и водами Стикса (страшнее не бывает клятвы) поклялась Одиссею, что нет никакого здесь губительного подвоха.

Я тебя не держу, Одиссей, ты свободен.

В прохладном гроте они вкусили разных яств: пищу для смертных она сама перед ним разложила, ей же, богине, принесли служанки, чем питаются боги – амброзию и нектар – еду и напиток, дающие молодость и бессмертие.

...Просто ты не знаешь, какие тебя ещё ждут невзгоды. Знал бы – навсегда бы остался со мной. Мы бы не старились, нам бы принадлежала вечность. А что Пенелопа? Разве смертная может хоть в чём-то сравниться со мной?

Прекрасная богиня, ты и красотой, и умом превосходишь её, смертную, но как мне объяснить... я сам не знаю...

Хитроумный Одиссей, тебя не зря называют богоподобным. Я бы дала тебе глоток нектара, но поздно теперь, ты сам делаешь выбор. Жаль, что ты забудешь меня – у людей короткая память. А я буду помнить тебя целую вечность, мне не забыть.

И когда сумрак спустился на остров, в дальнем закутке грота всю эту ночь они любили друг друга, богиня и смертный, и было им так, как прежде не было.

Показала ему часть леса, где можно вырубить лучшие стволы для плота. Дала топор.

Четыре дня Одиссей строил плот. Рубил деревья, обтёсывал брёвна, закреплял их по всем законам плотостроения; соорудил палубу, обшил борта досками, поставил мачту, приладил к ней рею, установил руль. Плот его походил на корабль.

Калипсо дала ему полотно, из которого получился прекрасный парус.

Приготовила ему припасов надолго. Два меха брал он с собой – один с вином, другой с пресной водой.

На прощание омыла его в мраморной ванне, поливая водой из кувшина. Дала ему новое платье в дорогу.

А потом Калипсо, стоя на берегу, долго всматривалась в морскую даль, где исчезал парус, как прежде глядел Одиссей в даль моря, тоскуя по своей Итаке.

Посейдон наказывает

Семнадцать дней не знал забот Одиссей, умело управляя рулём: попутный ветер, посланный нимфой Калипсо, помогал ему беспрерывно, а по ночам подсказывала путь никогда не заходящая за окоём Большая Медведица (Калипсо велела держать её по левую руку).

На восемнадцатый день увидел Одиссей скалистый берег.

Чуть-чуть не успел. Надо же было тому случиться, чтобы Посейдон в это время возвращался от эфиопов – скакал над морем на своей колеснице. Семь лет он не вспоминал об Одиссее, отлучённом от паруса. А тут, представьте, опять – этот дерзкий ахеец, ослепивший сына его, циклопа, как ни в чём не бывало переплывает море с ветром попутным. И почти доплыл до земли! Что ли, боги ему помогают? Догадался Посейдон: пока отлучался он в края эфиопов, боги затеяли заговор против него, чтобы помочь Одиссею. Великий гнев обуял Посейдона. Схватил он трезубец и стал им размахивать и мешать – путать ветры, возбуждать море до самого дна.

Что тут началось!..

Эвр, Нот, Зефир, Борей – все они, дующие с разных сторон, перемешались...

Горе мне, Одиссею, нелепа смерть моя. И вспомнил он героев, погибших под Троей, вот чему сейчас позавидовал Одиссей – их славной гибели в тяжёлом бою, их погребению с почётом. Отчего он остался тогда невредим – под грозным дождём стрел и копий? Для того только, чтобы бесславно погибнуть в морской пучине на радость прожорливым рыбам?

Мачту сломало. Не удержав руль, он оказался в воде. Отяжелевшая одежда, что подарила Калипсо, мешала плыть. Он сумел догнать плот, из последних сил вскарабкался на него.

Тут, помимо Посейдона, другие боги стали его примечать.

Первой явила себя Левкотейя. Когда-то была она смертной (как Одиссей), но добровольную смерть её не приняло море, и стала она божеством. Так вот бывает: смерти хотела, а стала бессмертной. Теперь она тем помогает, кто терпит в море крушение.

Одиссей увидел морскую птицу у себя на плоту, на чайку похожую, что умеет нырять глубоко, – так это она была, Левкотейя. Богиня-нырок.

Одиссей, скинь дорогие одежды, возьми моё покрывало, оно спасёт тебя, не даст тебе утонуть. Только оставь этот плот, сейчас он тебе не поможет. Эти брёвна могут тебя погубить. А покрывало – спасёт. Оно нетленное, вечное, неистребимое, достигнешь земли – верни, брось в море обратно и сразу же отвернись, больше нельзя смотреть, что дальше случится.

Страшно покидать Одиссею убежище – даже с волшебным покрывалом. Да тут такая волна низверглась на плот, что миг разбросала все брёвна, Одиссей за одно бревно всё же сумел ухватиться, животом навалился, ногу занёс, как-то вскарабкался, сел верхом и поспешно избавился от одежды, что подарила Калипсо, – и, набросив покрывало на грудь, тут же кинулся с ним в морскую пучину.

Посейдон остался доволен. Посмотрев на барахтающегося Одиссея, сказал он: «Так и надо тебе. Получай!» И умчался прочь на своей колеснице.

Сразу же вмешалась Афина.

Укротила ветры своим повелением все, кроме Борейя, задала волнам направление прямо – одно, да так чтобы волны по этому ветру перед Одиссеем отчасти утешились, тогда как по бокам продолжали вздыматься горами.

И всё равно по высоким волнам бросало несчастного Одиссея два дня и две ночи.

Наконец дивная Эос, богиня зари, возвестила начало третьего дня внезапным безветрием. С высоты гладкой волны увидел Одиссей долгожданную землю. Радость, переполнившая

его, скоро сменилась ужасом: берег был скалистым, без единой заводи – понял Одиссей, что суждено ему разбиться об утёс.

Вот бросает волна на скалу Одиссея – не за что ухватиться ему на отвесной стене; падает вниз Одиссей, в пенящуюся пучину, оставляя на камне кожу своих ладоней.

Но Афина не позволяет ему захлебнуться, вселяет твёрдость в сердце его, сил даёт ему плыть вдоль крутого берега, пока не расступятся скалы. Увидел заводь вдруг Одиссей, здесь впадает в море река, образуя долину. Целовал он землю, оказавшись на суше. С благодарностью пустил по реке он спасительное покрывало, поплыло оно в море к Левкотее, но не видел этого Одиссей – отвернулся, побрёл вдоль реки, спотыкаясь.

Только и сумел дойти до куста – рухнул под ним и в листьях сухих закопался. Крепкий сон на него ниспослала Афина Паллада.

Навсикая. Царь Алкиной

Это был остров феаков. Ими правил царь Алкиной.

Превосходными мореходами славут феаки, смело уходят они далеко в море. Говорят, нет на свете лучше них мореходов. В это трудно поверить, но обходятся они без руля. Корабли их послушны одной только мысли пловцов, лишь бы мысль впередсмотрящего была о конечной цели.

Но не всякий чужеземец будет для них желанным гостем – кто знает, какими ветрами его сюда принесло, кто знает, нет ли на нём проклятия?

Голым проснуться под кустом на чужом берегу... хуже трудно представить – горе, горе тебе, чужак!

Что скажет Афина? Как ей помочь Одиссею?

Многоходовым решением труднейшей задачи могла бы гордиться Афина Паллада.

Условие таково.

Дано. – Царь Алкиной. Его способность вернуть Одиссея на родину (исключительная – больше никому не под силу это).

Требуется. – Как-то их познакомить, как-то свести, что не просто, когда один из них повелитель, а другой какой-то чужак без одежды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.